
РАЗМЫШЛЕНИЕ НАД КНИГОЙ

Институциональные факторы экономического роста

Рецензия на книгу: Popov V.V. (2014) *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*, Oxford: Oxford University Press.

Е.В. БАЛАЦКИЙ*

*Балацкий Евгений Всеволодович – доктор экономических наук, профессор, директор Центра макроэкономических исследований, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 109456, Москва, 4-й Вешняковский проезд, д. 4, офис 219. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Цитирование: Balatsky E. (2015) Institutional Factors of Economic Growth. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 177–188 (in Russian)

В 2014 году в издательстве Oxford University Press вышла в свет книга В.В. Попова “Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West”. Данная монография посвящена сопоставлению реформ в разных странах мира, включая Россию, Китай, Узбекистан, страны Центральной и Восточной Европы. Автор пытается сформулировать те институциональные особенности, которые лежат в основе экономического успеха преуспевающих стран.

Ключевые слова: институты, реформы, экономический рост, протекционизм, социальное неравенство, инвестиции, накопление капитала

Непосредственным поводом для данной рецензии послужил выход в свет в 2014 г. новой книги В.В. Попова *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West* [Popov 2014]. На русский язык это название можно перевести примерно так: «Комбинированные стратегии успеха» или «Смесь удачных стратегий» (В.А. Мельянцева предлагает свою версию перевода: «Разные судьбы» [Мельянцева 2014]). Речь идет о выстраивании разными государствами эффективной политики развития и о раскрытии закономерностей экономического успеха соответствующих стран. Сегодня об этой книге уже имеются положительные отзывы авторитетных специалистов. Это и призыв Г. Колодко к прочтению

монографии [Kolodko 2014], и очень обстоятельная и сбалансированная рецензия В.А. Мельянцева [Мельянцева 2014]. В связи с этим постараемся коснуться некоторых аспектов книги, не дублируя те тезисы, которые в отношении нее уже были высказаны.

Принцип неопределенности Смита: утрата очевидности

Главная задача автора книги состоит в том, чтобы понять, почему одни страны успешно развиваются, тогда как попытки других в этом направлении неизменно заканчиваются неудачей. И неудивительно, что точкой отсчета в этом анализе выступает Россия – как наиболее яркий пример тщетных усилий по построению эффективных институтов и выхода на траекторию устойчивого экономического роста. Контрастом для России служат разные страны, в том числе такие государства Центральной и Восточной Европы, как Польша, Словакия, Венгрия и др. Все эти страны имели менее глубокий и менее длительный трансформационный спад, более высокие темпы роста и в них гораздо разумнее проводились реформы. В этом смысле указанные государства на полном основании могли служить примером для России.

Однако события последних лет многое перевернули. Венгрия находится в предреволюционной ситуации, а во главе правительства стоит представитель националистской партии. Болгария не может вылезти из нищеты, но при этом отказалась от Южного потока откровенно в ущерб своей экономике. Польша, будучи долгое время лидером Восточной Европы, за 10 лет с момента вступления в Евросоюз потеряла около 1,2 млн граждан, эмигрировавших из страны, что создало условия для демографического кризиса. В некоторых регионах этой страны с «сильным демократическим режимом» [Poron 2014, p. 109] процент «сбежавших» настолько высок, что местные предприятия не могут найти строителей, охранников, продавцов и уборщиков. По имеющимся оценкам, в ближайшие 25 лет Польша потеряет еще около 3 млн чел. [СМИ: Польша подсчитывает убытки от «бегства» 2014]. За это же самое время Россия, будучи институциональным аутсайдером рыночных реформ, прошла огромный путь – из глубочайшей рецессии вышла на траекторию роста; есть много цифр, демонстрирующих успехи России. А в 2014 г. Россия даже расширила свою территорию за счет мирного присоединения Крыма!

Все эти факты ставят вопрос о том, какие же страны действительно успешно развивались, а какие – нет. Как оказывается, по прошествии четверти века между лидерами и аутсайдерами произошла рокировка, которая многие вопросы, получившие ранее вполне вразумительные ответы, ставит заново. В этом смысле книга В.В. Попова завершает определенный этап экономической истории, но с трудом вписывается в новые тренды мирового развития. Здесь автор книги попал в своеобразную временную ловушку – разные ретроспективные периоды по-разному высвечивают одни и те же события. Наиболее емко этот эффект выразил американский экономист Чарльз Хью Смит (Charles Hugh Smith), сформулировавший свою версию принципа неопределенности: *каждое длительное явление имеет более чем одно следствие* [Smith 2014]. Ч.Х. Смит утверждает, что некоторые последствия на время способны дать положительный результат, прежде чем обнаружат свою разрушительную природу. Некоторые из

них можно предвидеть заранее, другие – нет; иные поддаются регулированию, а какие-то – нет. Те, что являются непредвиденными и неконтролируемыми, вызывают волны других непредвиденных и неконтролируемых последствий.

В данном случае мы имеем дело с чрезвычайно длительными реформами, которые на различных этапах проявляют себя по-разному, причем меняются не только результаты и проявления реформ, но и их институциональная сущность. Например, в литературе уже указывался факт конвергенции белорусских и российских реформ. Так, либеральные реформы Б.Н. Ельцина сменились ручным управлением В.В. Путина, которые очень напоминали директивные методы хозяйствования А.Г. Лукашенко; последний в свою очередь все больше тяготеет к экономической открытости страны, которая отчасти напоминает раннюю и нынешнюю политику России [Балацкий 2010].

Тем самым турбулентные события последних лет смешали карты: сильные институты стран Восточной Европы вдруг оказались слабыми, а некоторые слабые институты России неожиданно укрепились. В результате сегодняшнее экономическое положение России, несмотря на все проблемы, во многом представляется более предпочтительным в сравнении не только с восточноевропейскими, но даже и с западноевропейскими державами. Это требует определенных комментариев в отношении почти всех тезисов обсуждаемой книги. По всей видимости, необходимо в явном виде вводить в рассмотрение *временную шкалу* реформ. Так, по истечении 10 лет преобразований в бывших социалистических странах лучше смотрелись страны Центральной и Восточной Европы; по прошествии 23 лет на лидирующие позиции с некоторыми оговорками выходит Россия.

Утрата простых критериев сравнения

Сказанное по-новому ставит проблему пространственного соизмерения результатов реформ. Например, каковы результаты России? Как это определить?

Если опираться на традиционную методологию, то надо сравнивать душевой ВВП страны по ППС и темпы роста ВВП. Тогда успехи России не так уж значительны, равно как и успехи Узбекистана, который В.В. Поповым рассматривается в качестве нового экономического чуда Азии. Однако можно ли доверять этим цифрам? Например, в 2013 г., по данным Мирового банка, душевой ВВП России составлял 24,1 тыс. долл., что на 6,3% меньше, чем в Греции, которая, к слову сказать, по этому показателю в 5 раз опережает Узбекистан [Список стран по ВВП (ППС) на душу населения 2014]. Однако эти цифры требуют от нас принять в парадоксальный лозунг: «Не верь глазам своим!».

Значит, сегодня Россия, обладающая мощными вооруженными силами, огромным ядерным потенциалом, относительно неплохим военно-промышленным комплексом и развитой наукой, отстала от Греции, которая вчера была евро-банкротом и не имеет ничего того, что имеет Россия? Значит проект сочинской Олимпиады-2014, признанной лучшей в истории зимних олимпийских игр и породившей один из самых масштабных инфраструктурных проектов, ничего не стоит? И как тогда оценивать строительство высокоскоростной дороги между Ташкентом и Самаркандом в Узбекистане и готовящееся строительство аналогичных линий в сторону Бухары и Хивы? Греция таких дорог не имеет. Более того, в этой стране до сих пор нет

безопасных дорог по горной местности. И при этом душевой ВВП Греции все-таки в 5 раз больше, чем в Узбекистане? Надо признать, что при таком большом экономическом разрыве эти две страны должны были бы выглядеть совершенно иначе.

Либо автор книги не прав и Узбекистан не является очередным азиатским чудом, либо традиционные критерии сравнения стали неадекватными, что, на наш взгляд, гораздо ближе к истине. К сказанному добавим, что успех России в какой-то степени отражается душевым ВВП в долларовом исчислении по рыночному курсу. С 1992 по 2013 г. этот показатель в стране со «слабым демократическим режимом» [Попов 2014, р. 109] увеличился с 477,9 до 14591,3 долл., т.е. имел место прирост больше чем в 25 раз [ВВП России 2014]. Даже с учетом почти 2-кратной девальвации 2014 г. прирост составит 12–13 раз. Именно этот показатель отражает то, в какой степени россияне стали больше интегрированы в мировое экономическое пространство. Разве могут страны не только Восточной, но и Западной Европы похвастаться такими достижениями?

Думается, что книга В.В. Попова подводит к необходимости более систематического рассмотрения самой методологии сравнения реформ в разных странах. Без этого все выводы автора становятся противоречивыми.

Социальное неравенство как основа западной модели развития

Пытаясь осмыслить успех Запада, В.В. Попов углубляется в его исторический генезис и совершенно правильно ставит диагноз – подъем западного мира основан на институциональном закреплении всех форм социального неравенства. Этот вывод иллюстрируется многими историческими примерами и фактами. К сказанному можно добавить, что даже формальные выкладки приводят к этому результату: в *гетерогенном* обществе, в котором сосуществуют группы «богатых» и «бедных» граждан, при достаточно большом разрыве в доходах этих групп объем инвестиций в экономику оказывается больше, чем в *гомогенном* обществе, состоящем из одной группы «средняков» [Балацкий 2013]. Иными словами, при равной сумме доходов гетерогенное общество генерирует больше инвестиций, более высокие темпы экономического роста и большее совокупное богатство. И что важно: фундаментальным механизмом, обеспечивающим почти автоматическое преимущество модели социального неравенства, выступает основной психологический закон накопления Дж.М. Кейнса [Балацкий 2013].

Однако автор пытается пойти дальше и показать, что западная модель на современном этапе заменяется восточной моделью, которая основана на меньшем неравенстве и последние десятилетия демонстрирует все более явные успехи. Данная точка анализа служит той развилкой, где начинаются дискуссии. По этому вопросу было уже много сказано, поэтому затронем только один аспект обсуждаемой проблемы: может ли страна, стоящая на принципе ограничения неравенства, победить в технологической гонке и построить более эффективную экономику?

Помочь ответить на поставленный вопрос может пример элитной медицины. Как оказывается, уже сегодня врачи способны творить чудеса, однако большая часть этих чудес является настолько дорогостоящей, что во многом дезавуирует саму эту возможность. Тем не менее успехи элитной медицины во многом переворачивают традиционные представления, делая справедливым тезис: *здоровье за*

деньги купить можно. Но цена здоровья поистине баснословна, а потому расчет идет только на спрос со стороны сверхбогатых людей. Отношение элитных медиков к тому, что они делают, и к факту отсекающих простых людей от благ современной медицины таково: магнаты вкладывают деньги в технологии будущего; со временем эти технологии станут более дешевыми и доступными. Таким образом, наличие в обществе неприлично богатых людей позволяет развивать топовые направления медицины и осуществить такой технологический скачок, который в более справедливо устроенном обществе просто невозможен. Следовательно, и на современном этапе просматривается традиционное правило: избыток средств в ограниченных социальных кругах генерирует новые возможности для всего общества. В каком-то смысле технологическое лидерство страны и уникальные блага для избранных являются платой (компенсацией) за социальную несправедливость. А это означает, что если Китай, Индия или Россия захотят стать новыми технологическими лидерами хотя бы в какой-то области, то они будут вынуждены перенимать западную модель. И, похоже, что события разворачиваются именно в этом направлении.

Сильные и слабые институты; адаптивность населения и элит

Особо хотелось бы отметить матрицу В.В. Попова в отношении институтов и рыночных искажений в промышленной структуре (*таблица 1*). Такого рода схемы грешат явным упрощением и плохо верифицируемы, но при этом дают очень наглядное представление о соотношении сил в социальной системе и на качественном уровне хорошо воспроизводят фактическую ситуацию. Однако матрица Попова пригодна все-таки только для уяснения *эффектов первого порядка*, т.е. наиболее очевидных и грубых проявлений внутреннего устройства социальной системы. По всей вероятности, сегодня уже необходима дополнительная схема, которая бы учитывала адаптивные свойства двух элементов системы – правящей элиты и населения (масс). Такая схема может быть отображена социальной матрицей адаптивности (СМА) (*таблица 2*); заметим, что адаптивность (адекватность) элиты в СМА фактически равносильна адаптивности (адекватности) официальных институтов.

СМА позволяет проанализировать эффекты второго порядка, которые уже не вкладываются в классификацию сильных и слабых институтов. Здесь на первое место выходит не способность системы реализовывать принятые решения, что присуще сильным институтам, а адекватность принимаемых решений. Например, правительство Болгарии оказалось способно противостоять давлению России и отказаться от Южного потока, однако это решение является в высшей степени неадекватным и вредным для самой Болгарии. И, наоборот: правительство России не смогло продать строительство Южного потока через Болгарию, но вовремя вошло в партнерские отношения с Турцией, в конечном счете добившись своей цели. В контексте такой логики Китай и Вьетнам попадают в разные группы, т.к. правящая элита Вьетнама все эти годы была гораздо консервативнее гибкого китайского руководства. Однако есть уже первые толчки и в архитектуре китайских институтов – события в Гонконге 2014 г. По мнению ведущих аналитиков, это первое серьезное проявление недостаточной гибкости китайской системы управления [Беспорядки в Гонконге 2014].

Таблица 1. Институциональная матрица В.В. Попова

Уровень рыночных искажений	Институты	
	Слабые	Сильные
Высокий	Россия	Восточная Европа
Низкий	Албания, Монголия	Китай, Вьетнам

Таблица 2. Социальная матрица адаптивности

Адаптивность элиты	Адаптивность населения	
	Низкая	Высокая
Низкая	Россия	Восточная Европа, Вьетнам, Монголия
Высокая	Узбекистан	Китай

СМА позволяет развести и такие страны, как Узбекистан и Вьетнам. Например, узбекские мусульмане зачастую склонны к излишней экзальтации, однако руководство страны умело гасит избыточные эмоции населения. В этой связи уместно напомнить, что при открытии мавзолеев мусульманских святых (суфиев) многие узбеки буквально ползали по надгробным плитам и целовали их, демонстрируя явную религиозную неадекватность. В этой ситуации представители исламской элиты недвусмысленно высказались о том, что такое поведение совершенно неуместно – и проявления религиозного фанатизма постепенно исчезли. И, наоборот, чрезвычайно терпеливое и адаптивное население Вьетнама уже с трудом уживается с беспардонной коррупцией в верхушке правящей коммунистической партии, культивирующей примитивные и устаревшие методы пропаганды и поддержки порядка.

В контексте событий 2014 г. в Фергюсоне в несколько ином свете выступают и сильные институты США. Например, народные волнения, охватившие страну, были жестоко подавлены, свидетельствуя о силе действующих институтов [Беспорядки в Фергюсоне 2014]. Однако сами эти волнения явились реакцией на совершенно неадекватные действия полиции и судебной системы страны. Таким образом, в данном случае мы видим, как утрата адекватности правящей элиты США, столкнувшись с вполне адекватным и активным населением, породила большие волнения. Наверное, случай в Фергюсоне является хрестоматийным примером того, что *сила институтов – не все, не менее важна и их адекватность*.

В контексте сказанного хотелось бы особо отметить события 2014 г. на Украине. Распад страны и последовавшие за этим события являются классическим образчиком недостаточности инструментария институциональной матрицы Попова. Так, попустительство протестных выступлений со стороны правительства В.Ф. Януковича означало не столько слабость институтов, сколько неадекватность политики правящей элиты во главе с президентом страны. Точно так же жесткие действия со стороны правительства П.А. Порошенко в отношении Луганской и Донецкой областей отнюдь не свидетельствуют о силе институтов, а становятся

прямым следствием неадекватных действий новой властной элиты во время переговорного процесса с мятежными регионами.

Таким образом, если матрица Попова делает акцент на силе институтов, то СМА – на гибкости этих самых институтов. По-видимому, на современном этапе аналитический акцент должен смещаться в сторону СМА. Очевидно, автор книги согласен с этим тезисом, т.к. напрямую говорит о том, что «хорошая политика всегда обладает контекстной зависимостью» [Popov 2014, p. 145]. Например, институт ювенальной юстиции, набравший силу в западных странах, почти полностью отторгается в России как неадекватный и не соответствующий сложившимся национальным традициям воспитания детей. Таким образом, можно говорить о культурном контексте данного института, без учета которого велика вероятность возникновения институционального конфликта [Полтерович 2007].

Мы отдаем себе отчет в том, что верификация и четкая оцифровка СМА неоспорна и представляет собой самостоятельную проблему. Однако те же самые проблемы присущи и институциональной матрице Попова. Видимо, это одно из перспективных направлений дальнейших исследований, которые не попали в фокус интересов автора книги.

Смешанные институты в политических системах

Говоря о гибкости институтов, мы фактически подразумеваем возможность и способность управленцев высшего звена правильно (адекватно) реагировать на вызовы времени. Если необходимо, то для реализации соответствующих решений можно перестраивать сами институты, менять их конфигурацию. Как же добиться институциональной гибкости? Как обеспечить контекстность институтов?

К сожалению, напрямую автор на этот вопрос не отвечает, хотя само название книги содержит в себе искомый ответ. Речь идет о *смешанных институциональных стратегиях*. Дело в том, что во многих случаях использование чистых институтов не дает плодотворных результатов. Осознание этого факта привело к тому, что современные западные университеты строят свою деятельность на смешивании старых и новых институтов [Кларк 2011]. Использование такого подхода приводит к тому, что появление новых вызовов со стороны рынка не требует отказа от прежней практики и создания всех институтов с нуля; достаточно лишь определенной коррекции в пропорциях распределения уже существующих институтов. В таких терминах задача управленцев сводится к тому, чтобы оптимизировать доли разных институтов, настраивая систему на правильный лад. Считается, что политика смешанных институциональных стратегий является залогом повышенной адаптивности и устойчивости университетов в меняющихся условиях. Интересно, что плодотворность смешанных институциональных стратегий имеет глубокую аналогию с игровыми моделями, в которых решение зачастую возможно только в смешанных стратегиях.

Поразительнее всего то, что идея о смешанных институциональных стратегиях в политической сфере была осмыслена и реализована еще в Древнем Риме. Своей кульминации данное политическое учение достигло в работе Марка Туллия Цицерона «О государстве». Так, еще греки выделяли три правильные (чистые) формы государственного правления: монархия – законная власть одного человека; аристократия – власть избранного совета; демократия – власть всего

народа, соблюдающего собственные законы. Однако все они несовершенны и тяготеют к своим крайностям: монархия легко превращается в деспотическое правление, аристократия вырождается в господство знатных или богатых, а демократия скатывается к господству толпы – к охлократии. По мнению Цицерона, все эти элементы идеально уравновешены в Римской республике, в которой власть распределена между монархическим элементом, представленным ежегодно переизбираемыми народными консулами, аристократическим – сенатом, и демократическим в форме народного собрания [Бобровникова 2006]. Тем самым равновесие между тремя чистыми институтами власти достигается в республиканской форме правления, представляющей собой смешанный институт. Похоже, что этим была во многом обусловлена высокая жизнеспособность и устойчивость Римской республики, которая просуществовала 450 лет. Даже после падения Республики установился так называемый принципат – государственное устройство, сочетающее в себе республиканские и монархические черты. Принципат просуществовал еще около трех веков, на протяжении которых действовали реликты республиканских институтов.

Применительно к вопросам обсуждаемой книги можно говорить, например, о смешанных протекционистских стратегиях: вовсе необязательно переходить к чистому протекционизму с закрытием всего внутреннего рынка, достаточно закрыть лишь некоторые его сегменты. Любопытно, что такая политика селективной защиты внутреннего производителя допускается даже нормами Всемирной торговой организации (ВТО), тогда как протекционизм в чистом виде противоречит ее принципам. Умелое использование подобных смесей таит в себе огромные потенциальные возможности. Страны, которые осваивают этот инструмент, как правило, преуспевают и уверенно движутся по траектории экономического роста.

Общественная и индивидуальная эффективность

В.В. Попов, подводя итог анализу экспортной политики разных стран, выдвигает очень интересный тезис о том, как организовать смешанную стратегию протекционизма: поддерживать (протекционистскими барьерами) надо только те отрасли, в которых *общественная отдача* (эффективность) инвестиций выше *частной* (индивидуальной). Это очень плодотворный подход, который пока не конкретизирован, а потому и не получил достойной реализации. Однако здесь есть некоторые методологические моменты, которые нельзя не упомянуть.

Дело в том, что общественная и частная отдачи могут быть не только разной величины, но даже разной размерности. И соотношение между этими показателями само по себе может не дать ответа на вопрос о том, есть ли у отрасли перспектива для вывода ее продукции на мировой рынок или нет. Было бы правильнее сравнивать общественную эффективность конкретной отрасли со средней общественной по экономике, а также с аналогичным показателем других отраслей. Разумеется, для того чтобы этот алгоритм работал, надо иметь четкую методику расчета общественной отдачи, которую автор нам, к сожалению, не предлагает. Кстати говоря, индекс сложности экспорта Хаусманна–Хванга–Родрика, на который ссылается В.В. Попов и который стал в последние годы достаточно популярным, все-таки не проясняет ситуацию. Отчасти это связано с эвристическим характером указан-

ного индекса, который содержит гипотетические агрегаты. Кроме того, высокая сложность экспортируемой продукции не может трактоваться как безусловно позитивный факт, также как неверно и то, что экспорт природных ресурсов является деструктивной стратегией: здесь гораздо важнее политика перераспределения доходов от экспорта. Представляется, что дальнейший поиск простого алгоритма диагностики перспективных отраслей на основе индекса общественной эффективности является тем направлением научных изысканий, которое может иметь не только теоретическое, но и большое практическое значение.

В целом книга *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West* дает богатую пищу для осмысления самых важных вопросов экономики, включая интригующую и до сих пор до конца неразгаданную тайну выхода человечества из мальтузианской ловушки, в которой оно находилось около 10 тыс. лет. Хочется надеяться, что у этой книги будет много последователей и продолжателей.

Литература

- Балацкий Е.В. (2010) Белоруссия против России: переосмысливая реформы // Капитал страны. 07.09.2010 // <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/178794>
- Балацкий Е.В. (2013) Институциональная дилемма в период первоначального накопления капитала // Журнал экономической теории. № 4 (34). С. 58–68.
- Беспорядки в Гонконге: Почему взбунтовался финансовый центр Азии (2014) // The Village // <http://www.the-village.ru/village/situation/situation/166215-gonkong>
- Беспорядки в Фергусоне. Хроника событий. 27 ноября (2014) // ИТАР ТАСС. 27.11.2014 // <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1605729>
- Бобровникова Т.А. (2006) Цицерон: Интеллигент в дни революции. М.: Молодая гвардия.
- ВВП России: где были и где сейчас (2014) // Сделано у нас // <http://www.sdelanounas.ru/blogs/39546/>
- Кларк Б.Р. (2011) Поддержание изменений в университетах. Преимущество кейс-стади и концепций. М.: ВШЭ.
- Мельянцева В.А. (2014) О книге В.В. Попова (Vladimir Popov. “Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West”, New York, Oxford University Press, 2014) // <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/Mel%27yantsev%20review-2014.pdf>
- Полтерович В.М. (2007) Элементы теории реформ. М.: Издательство «Экономика».
- СМИ: Польша подсчитывает убытки от «бегства» рабочей силы на Запад (2014) // РИА Новости. 06.12.2014 // <http://ria.ru/world/20141206/1036979055.html>
- Список стран по ВВП (ППС) на душу населения (2014) // Википедия. 24.09.2014 // [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%C2%C2%CF_\(%CF%CF%D1\)_%ED%E0_%E4%F3%F8%F3_%ED%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%FF](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%C2%C2%CF_(%CF%CF%D1)_%ED%E0_%E4%F3%F8%F3_%ED%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%FF)
- Kolodko G.W. (2014) What One Should Read? // <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/Kolodko%20review-WHAT%20ONE%20SHOULD%20READ.pdf>
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*. Oxford: Oxford University Press.
- Smith C.H. (2014) The Oil-Drenched Black Swan, Part 1 // Washingtonsblog. 30.11.2014 // <http://www.washingtonsblog.com/2014/11/oil-drenched-black-swan-part-1.html>

Institutional Factors of Economic Growth

Book Review: Popov V.V. (2014) *Mixed Fortunes:*

An Economic History of China, Russia, and the West, Oxford: Oxford University Press.

E. BALATSKY*

***Evgeny Balatsky** – Doctor of Economics, Professor, Director of the Centre for Macroeconomic Research at the Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: office 219, 4, 4th Veshnyakovskii passage, Moscow, 109456, Russian Federation. E-mail: evbalatsky@inbox.ru

Citation: Balatsky E. (2015) Institutional Factors of Economic Growth. *Mir Rossii*, vol. 24, no 2, pp. 177–188 (in Russian)

Abstract

The book under review compares reforms in various countries, including Russia, China, Uzbekistan, Central and Eastern Europe (CEE), and the main objective of the author is to identify the institutional features that underpin economic success. This review addresses some of the book's important controversial claims.

The starting point of the analysis is Russia's transition experience. It is presented as the most striking example of how efforts to build working institutions and to achieve sustainable economic growth can be futile. Russia is then compared to other countries, including the countries of CEE. However, the development of the economic context in the first decade of the 2000s led to a slightly different evaluation of the earlier developments. Almost all CEE countries have found themselves in a very difficult situation, whereas Russia seems to have overcome some of its transition malaise. This implies that an institutional analysis needs to incorporate timing and consider the outcomes of reforms in a dynamic setting which distinguishes short-term and long-term effects. For instance, in the 10 years since the transition, former socialist countries appear to be less prone to the negative trends that have affected CEE.

One of the key features of Popov's institutional analysis is that it considers both (1) the relative strength and weakness of economic institutions, and (2) the relatively high and low degree of market distortion in the structure of industrial output. The success of reforms is then defined by the interrelationship of these aspects. This simplified conceptualization of the two driving forces of economic development gives a very nice approximation of the reality and explains the outcomes of the transition. Nevertheless, it is too rough as it only approximates the first-order effects of the transformation, it is therefore very limited in addressing more the complex issues of the future dynamics of the system. It is argued that this conceptualization needs to be extended to account for the adaptive behaviour of both the population and the ruling elites, whose interplay eventually determines how the institutional setting will be arranged and reproduced.

Another extremely appealing idea developed by Popov is about the means of organizing and legitimizing protectionism: he argues that it is necessary to maintain only those industries in which public returns on investment exceed private returns. However, it also has to be acknowledged that public returns are extremely hard to measure, as they may emerge in more than one dimension. Therefore, it would make more sense to compare public returns of a specific industry with average public returns of the economy as a whole, as well as with other industries.

Keywords: institutions, reform, economic growth, protectionism, social inequality, investment, capital accumulation

References

- Balatsky E.V. (2010) Belorussiya protiv Rossii: pereosmyslivaya reformy [Belarus vs Russia: Rethinking Reform]. *Kapital strany*, 07.09.2010. Available at: <http://www.kapital-rus.ru/index.php/articles/article/178794>, accessed 11 September 2014.
- Balatsky E.V. (2013) Institucional'naya dilemma v period pervonachal'nogo nakopleniya kapitala [Institutional Dilemma in the Period of Initial Accumulation of Capital]. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, no 4 (34), pp. 58–68.
- Besporyadki v Fergussone. Khronika sobytii. November 27 (2014) [Riots in Ferguson. A Chronicle of Events. 27 November]. *ITAR TASS*, 27.11.2014. Available at: <http://itar-tass.com/mezhdunarodnaya-panorama/1605729>, accessed 20 December 2014.
- Besporyadki v Gonkonge: Pochemu vzbuntovalsya finansovii tsestr Azii (2014) [Riots in Hong Kong: Why Did the Asian Financial Center Rebel?]. *The Village*. Available at: <http://www.the-village.ru/village/situation/situation/166215-gonkong>, accessed 20 December 2014.
- Bobrovnikova T.A. (2006) *Ciceron: Intelligent v dni revolyutsyi* [Cicero: an Intellectual in the Time of Revolution], Moscow: Molodaya Gvardiya.
- Clark B.R. (2011) *Podderzhanie izmenenii v universitetakh. Preemstvennost' keis-stadi i kontseptsii* [Sustaining Change in Universities. Continuities in Case Studies and Concepts], Moscow: HSE.
- Kolodko G.W. (2014) *What One Should Read?* Available at: <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/Kolodko%20review-WHAT%20ONE%20SHOULD%20READ.pdf>, accessed 20 December 2014.
- Meliantsev V.A. (2014) *O knige V.V.Popova (Vladimir Popov. «Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West», New York, Oxford University Press, 2014)* [On the Book of V.V.Popov (Vladimir Popov. “Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West”, New York, Oxford University Press, 2014)]. Available at: <http://pages.nes.ru/vpopov/documents/Mel%27yantsev%20review-2014.pdf>, accessed 20 December 2014.
- Polterovich V.M. (2007) *Elementi teorii reform* [Elements of the Reform Theory], Moscow: Publishing House «Ekonomika».
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes. An Economic History of China, Russia, and the West*. Oxford University Press.
- SMI: Polsha podschityvaet ubitki ot «begstva» rabochei sily na Zapad (2014) [Media: Poland Counts the Losses From the ‘Escaping’ of its Labour Force to the West]. *RIA Novosti*, 06.12.2014. Available at: <http://ria.ru/world/20141206/1036979055.html>, accessed 20 December 2014.
- Smith C.H. (2014) The Oil-Drenched Black Swan, Part 1. *Washingtonsblog*, 30.11.2014. Available at: <http://www.washingtonsblog.com/2014/11/oil-drenched-black-swan-part-1.html>, accessed 20 December 2014.

- Spisok stran po GDP (PPP) na dushu naseleniya (2014) [List of Countries by GDP (PPP) per Capita]. *Wikipedia*, 24.09.2014. Available at: [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%C2%C2%CF_\(%CF%CF%D1\)_%ED%E0_%E4%F3%F8%F3_%ED%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%FF](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D1%EF%E8%F1%EE%EA_%F1%F2%F0%E0%ED_%EF%EE_%C2%C2%CF_(%CF%CF%D1)_%ED%E0_%E4%F3%F8%F3_%ED%E0%F1%E5%EB%E5%ED%E8%FF), accessed 20 December 2014.
- VVP Rossii: Gde byli i gde seichas (2014) [Russia's GDP: Where It Was Before and Where It Is Now]. *Sdelano u nas*. Available at: <http://www.sdelanounas.ru/blogs/39546/>, accessed 20 December 2014.